

СМЫСЛОВАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕСТИ

Этическая категория «совести» представляется исследователям достаточно очевидной и не нуждающейся в особой концептуальной проработке. Как правило, данный моральный архетип, рассматривается в качестве смысловой основы ряда иных нравственных событий, таких как вина, стыд, раскаяние, сострадание. Она актуализирует в человеке «чуткость» к недолжному поведению, порождает в нем сомнения в собственной моральной правоте. Совесть требует «этической принципиальности» в намерениях и поступках. Однако такое понимание совести оставляет без ответа целый ряд вопросов, которые на первый взгляд, кажутся, чуть ли не риторическими.

Например, что такое «угрызения совести»? Тожественны ли они самой совести? Если, «да», тогда зачем «удваивать сущности»? Если же «нет», тогда в чем их различие и что «делает» совесть «до и после» угрызений совести? Почивает на лаврах, дремлет, отсутствует?

Не менее актуален и вопрос о том, ради каких моральных целей(?) человек культивирует совесть в качестве этической размерности своего бытия? Не является ли она «избыточным рефреном» иных моральных качеств; «английской королевой этики», которая «царствует, но не правит»; ритуальным образованием, обладающим лишь формальным авторитетом?

Естественно, подобные выводы вызывают интеллектуальную оторопь и нуждаются в методологической рефлексии. Попробуем вернуть совести ее фундаментальный этический статус, проанализировав, в этой связи, некоторые нравственные контексты человеческого существования.

В предисловии, спросим себя о том, из чего складывается... «бессовестность», коль никто не будет отрицать тот факт, что люди «бывают бессовестными», т.е. аннулирующими в своем бытии необходимость «человечного отношения к Иному».

Начнем с так называемого «принципа наименьшего зла». Суть последнего заключена в этическом воззвании выбирать «наименьшее зло». Выбирать, в ситуациях морального конфликта ценностных ориентаций, когда каждое из избираемых нами решений моральных проблем, оказывается «вынужденно недоброкачественным».

«Бессовестным» истолкованием и применением данного принципа является его «урезанная» версия. Большинство людей бесхитростно полагают, что «достаточно» лишь «отыскать и исполнить наименьшее зло». После этого им обеспечено «этическое алиби», в силу того, что они «сделали максимум возможного», в доставшейся им моральной дилемме. Мы пытаемся (бессовестно) не замечать бремя ответственности, пусть и за «наименьшее», но все-таки «зло». Человек дезориентирует себя прилагательным «наименьшее», забывая о том, что отныне, он «автор зла», которое обрело абсолютную власть «сбывшегося и неотменимого артефакта бытия».

В этой связи частным примером подспудной бессовестности могут служить и «обывательские» трактовки смысла и целей религиозной «исповеди». На вопрос, адресованный студенческой аудитории, зачем человек приходит на исповедь, в качестве «ответов» звучат следующие утверждения: а) чтобы «облегчить душу»; б) чтобы «искупить грехи»; в) чтобы «оправдаться перед Богом»; г) чтобы «раскаяться»; д) чтобы «получить прощение». Исповедь оказывается инструментом «символических похорон» нашей от-

ответственности за случившееся. Обыватель мнит, что совесть можно «задобрить», что «повинную голову меч не сечет» и потому «можно» грешить до «очередной» исповеди. Превращаясь в «этикетное мероприятие», исповедь перестает быть экзаменом на человечность. Главное – «соблюсти приличия»(!). Как и в случае с принципом наименьшего зла, человек игнорирует тот факт, что зло стало элементом сущего именно из-за нас и значит, нам не может быть оправдания (прежде всего для нас самих)!

Еще одну возможность (и действительность) «бессовестного бытия» иллюстрирует категорический императив Канта. Он призывает относиться ко всякому другому человеку как к «цели самой по себе и НИКОГДА как к средству». Следовательно, всякий раз, когда человек испытывает «соблазн» использовать другого человека «ВЕЩНО и БЕЗЛИЧНО(стно)», он должен переживать «угрызения совести», ибо удовлетворение подобного искушения автоматически трансформирует нас в существа, ведущие себя бессовестно. Нам «должно быть стыдно» и мы «должны» переживать «раскаяние», как свидетельство нашей «вины», за этическое грехопадение «вещного манипулирования» другим человеком. Причем, что немаловажно, **МЫ САМИ «обезличиваем себя»** подобным отношением. Оно, априорным бумерангом, бьет именно по нашей лично(стно)й репутации.

Итак, ни одно зло НЕВОЗМОЖНО ИСКУПИТЬ, как невозможно сбывшееся сделать небывшим. Но тогда, принципиально по-иному начинает восприниматься и «раскаяние». Оно «бессовестно», если носит «одноразовый» характер, если культивирует утилитаристские интенции, если не преследует человека неизбывными тревогами случившихся грехопадений. Раскаяние имеет смысл, если оно – «кошмар растревоженной памяти», которая не должна отпускать нас из объятий пронзительных воспоминаний. Разве послевоенная формула-заклинание «Никто не забыт и ничто не забыто» не может быть экстраполирована в этическое пространство нашей совести. Человек, наделенный совестью, не посмеет предать забвению все то, что он сам же считает постыдным в своей экзистенциальной биографии. Совесть для него – это сплошные и до конца жизни «угрызения совести».

Наконец, обратимся к «золотому правилу нравственности». Оно предлагает нам радикальную смену философии нашего «присутствия в бытии». «Бессовестно» руководствоваться соображениями «подкупа» других, живя по принципу «я тебе, если (или чтобы) ты мне».

Но столь же сомнительно жить, ограничиваясь максимальной «добропорядочного существования», когда человек считает для себя этически достаточным, формально соблюдать «правила должного поведения». В своем стремлении «соответствовать» эти правилам, человек упускает из виду то обстоятельство, что моральное существование акцентирует внимание не на «правильности», а на «праведности». Жить «по совести» – это жить «ответственно» и лишь потом «соответственно». Тогда, каковы же смыслы данной ответственности, откуда она черпает свои определяющие содержания? Только теперь мы подходим к ответам на вопрос о том, что такое совесть, как бытийный феномен.

Прежде всего, напомним, что каждый человек живет в мире, состоящем из бесконечного многообразия культурных норм и значений. Наше бытие осуществляется «перед лицом» этой ценностной вселенной. Мы все время погружены в нее. Вместе с тем данная вселенная репрезентирует не саму себя, а историю человеческих практик обживания бытия. Иначе говоря, у нее «лицо Человечества». Таким образом, через инстанцию совести, мы подключаем свое существование к общечеловеческому пафосу понимания должного и недолжного. Благодаря совести, мы всегда **НАЕДИНЕ СО ВСЕМ(И)**. Заметьте: **ВСЕГДА!** Совесть (которая есть «всегда») **непрерывно** отзеркаливает нам нашу человеческую (и моральную) состоятельность (или несостоятельность). Она **непрерывно** «угрожает» нам порицанием и раскаяниями, исходящими от нас и... как бы, не от нас.

Но, что гораздо более важно, совесть извещает нас о самой главной этической драме нашего повседневного

бытия. Дело в том, что все мы (абстрактно) признаем, что живем в «несовершенном» мире. Но не драматизируем наше собственное несовершенство и не инкриминируем себе моральную ответственность за несовершенство бытия в целом. Совесть же, как раз и представляет собой, духовно инкорпорированную в нас, «инстанцию беспокорства» по поводу этого шокирующего обстоятельства. Бессовестно (безвольн) игнорировать собственное несовершенство и «расширенно воспроизводить» его во все новых поступках и объективациях. Бессовестно самому себе прощать «случившееся зло»; подвергать обезличиванию уникальную самобытность другого человека; пытаться ограничиться ролью «приличного человека», вместо того, чтобы, ценой нравственного риска, **НАЧИНАТЬ САМУ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ «с чистого листа»** нашей абсолютной ответственности «за все».

Совесть не ждет «угрызений совести»! Она вечный призыв на битву с несовершенством бытия и вечное напоминание о нем! Совесть – сражение с несовершенством, где каждый – «со всеми и за всех»!